

— Что за иероглифы? — спросил Цюй Цзючуань. — И в чём этот храм помогает сильнее всего?

Лянь Цзяньюэ очертил пальцем в воздухе два знака.

— «Ляоцзюэ» — те самые, что означают избавление от мирских уз. А о том, в чём там сила, мне неизвестно.

Цюй Цзючуань тут же вытащил телефон и, быстро постукивая по экрану, спросил:

— Откуда ты вообще про него знаешь?

Спустя секунду он поднял недоуменный взгляд:

— Точно эти знаки? Сеть ничего не выдает. Вообще пусто.

Лянь Цзяньюэ кивнул:

— Точно.

Он помолчал и добавил:

— Лянь Уцзэн велел перед смертью: когда преставится, везти его тело на сожжение только в Храм Разрешения Мирских Уз.

Услышав это, гробовщик замахал руками, бесцеремонно выставляя гостей за дверь. Сдвинув брови к переносице, он раздражённо заворчал на Лянь Цзяньюэ:

— Ну надо же! Раз покойник велел туда везти, какого хрена ты приволок его к нам в крематорий? Устроили тут балаган!

Цюй Цзючуань заискивающе улыбнулся и попытался сунуть зрителю в руку пачку сигарет:

— Уважаемый, а сами вы про этот Храм Разрешения Мирских Уз ничего не слышали?

Но тот наотрез отказался от взятки, выпихивая Цзючуаня к выходу и мотая головой, точно китайский болванчик:

— Не слышал, не знаю! Давайте-давайте, проваливайте отсюда! Найдите какой-нибудь храм, пусть там над ним обряд проведут!

Оказавшись у дверей, Цюй Цзючуань, всё так же дружелюбно улыбаясь, ловким движением ухитрился впихнуть пачку сигарет в нагрудный карман гробовщика.

— Заберём, обязательно заберём! — пообещал он. — Сейчас кликну парней.

Обернувшись к выходу, он крикнул:

— Несите носилки сюда! Давайте живее!

Вскоре показались Сяо Ван и Сяо Ли. Сяо Ван, шагавший впереди, скользнул взглядом по Лянь Цзяньюэ и тихонько шепнул Цюй Цзючуаню:

— Цзю-гэ, да парень вроде в полном порядке?

Цюй Цзючуань досадливо отмахнулся:

— Тьфу ты! Не родственника грузить надо! — Он указал на тело Лянь Уцзэна.

Сяо Вана передёрнуло. Лицо его застыло, а плечи испуганно втянулись:

— Матушка моя...

Сяо Ли, наполовину заслонённый напарником, раздражённо заворчал, подталкивая того в спину:

— Да хорош пиздеть, чего застрял на дороге?

Он высунулся из-за плеча друга, чтобы заглянуть в комнату, и в ту же секунду смертельно побледнел. По его лбу покатились крупные, как горошины, капли пота. Колени парня подкосились, он выпустил носилки из рук, рухнул на пол, схватился за живот и истошно завыл, катаясь по грязи.

Сяо Ван моментально сообразил, к чему идёт дело. Округлив глаза, он тоже схватился за живот, тяжело опустился на колени и запричитал на всю Ивановскую:

— Ой, лихо мне... Точно обед боком вылез! Испорченным накормили! Ой-ой-о-ой!..

Оба труса явно перепугались до смерти при виде того, что осталось от Лянь Уцзэна, и разыгрывали комедию, лишь бы поскорее смыться. Цюй Цзючуань, впрочем, злиться не стал — лишь усмехнулся. Он подобрал брошенные носилки, подошёл к металлическому столу, легко закинул окоченевшее тело Лянь Уцзэна себе на плечо и зашагал к выходу.

— Повидал я всякого дерьма на своём веку, но такое кино вижу впервые, — весело бросил он Лянь Цзяньюэ. — На этих хлюпиков надежды нет. Придётся мне самому с тобой прокатиться. Поехали в этот твой Храм Разрешения Мирских Уз.

Лянь Цзяньюэ посмотрел на катающегося по полу Сяо Ли, затем перевёл взгляд на воющего Сяо Вана и молча последовал за похоронщиком. Едва они сделали пару шагов по коридору, как «больные» вскочили и бросились следом.

Сяо Ван подхватил носилки, стараясь перехватить ношу у начальника, и подобострастно затараторил:

— Про какой храм вы говорите? Сколько туда ехать? Я же вам ещё вчера докладывал: у дедушки сегодня восьмидесятилетний юбилей, сами понимаете, время не ждёт...

Цюй Цзючуань на ходу обернулся к нему:

— Слыхали когда-нибудь про Храм Разрешения Мирских Уз поблизости? В интернете про него ни слова.

Сяо Ван мотнул головой и переглянулся со Сяо Ли. Оба выглядели совершенно растерянными.

— В округе только Храм Покровителя Города да Храм Гуаньинь, — пробормотал Сяо Ли. — В первом молят о богатстве, во втором — о детях. Других мест не знаем.

Цюй Цзючуань повернулся к Лянь Цзяньюэ:

— Твой старик ничего больше не говорил? Как туда добраться?

— Лянь Уцзэн сказал: нужно выйти из деревни, держать путь на север и пересечь Чёрные земли. Тогда выйдем прямо к храму.

Сяо Ли и Сяо Ван резко замерли на месте, точно натолкнулись на невидимую стену.

— Через Чёрные земли? — хором выдохнули они.

Цюй Цзючуань тоже остановился, с интересом разглядывая притихших парней:

— И что с ними не так?

Сяо Ли крепко сжал губы. По его лбу вновь заструился холодный пот. Сяо Ван подошёл ближе к Лянь Цзяньюэ, заглядывая ему в лицо:

— На север, через Чёрные земли? Парень, твой отец точно тебе так сказал?

Лянь Цзяньюэ в этих краях был чужаком. Всё, что он знал о Каменной деревне, сводилось к утомительной дороге: сначала поезд из Пиньяна, что в провинции Чжэцзян, затем два междугородних автобуса, а под конец — старый фургончик. Этот драндулет отчаливал от фермерского рынка в уездном городке Бэйсянь раз в сутки, ровно в половину пятого утра. Час пути на юг — и дорога уходила в Каменные горы. Ещё полтора часа бесконечной петляющей тряски, от которой голова шла кругом, и наконец крутой подъем градусов под сорок, где едва могло протиснуться одно транспортное средство. Тот склон местные прозвали Склоном Красавиц — единственная ниточка, связывающая затерянную в горах деревню с внешним миром. По пути с севера Лянь Цзяньюэ не приметил ни указателей с Чёрными землями, ни самой чёрной почвы.

— А что с ними? — спросил он у Сяо Вана. — Что это вообще за место?

Сяо Ван понизил голос до едва различимого шёпота:

— Дурное это место. Смертью там пахнет, жутко до дрожи.

На этом он замолчал. Сяо Ли тоже хранил угрюмое молчание, оба парня заметно побледнели.

Цюй Цзючуань примиряюще поднял ладонь:

— Ладно, не буду вас неволить. Заказ мой, так что доведу дело до конца. Раз хотите уйти — скатертью дорога, только ключи от машины оставьте.

Он протянул обоим по пачке сигарет. Сяо Ван, виновато улыбаясь, вернул ключи, от сигарет отказался и поспешил скрыться. Сяо Ли курево тоже не взял, но уходить не торопился. Он достал из собственного кармана помятую пачку, выудил сигарету, щёлкнул зажигалкой и, глубоко затянувшись пару раз, негромко произнёс:

— Я был на этих Чёрных землях. Один раз, ещё пацаном.

Цюй Цзючуань взглянул на него, опустил носилки на землю и аккуратно уложил на них Лянь Уцзэна.

— Расскажешь по дороге.

Сяо Ли кивнул. Подхватив носилки с двух сторон, они с Цюй Цзючуанем направились к парковке. Лянь Цзяньюэ зашагал следом, держась чуть сбоку.

— Люди бают, там когда-то была братская могила, — глухо заговорил Сяо Ли. — В голодный

год мертвецы пачками ложились, всех туда и зарывали. С тех пор на той земле ни единой травинки не выросло. Земля выжженная, чёрная как уголь.

— Странно, — заметил Лянь Цзяньюэ. — По идее, разлагающаяся плоть должна удобрять почву. Отчего же там ничего не растёт?

Цюй Цзючуань негромко хмыкнул. Сяо Ли помолчал, затягиваясь, а потом угрюмо добавил:

— Мой старик говорил, что Чёрные земли выжжены адским пламенем. Непростым огнём.

— Твой отец бывал там? — спросил Лянь Цзяньюэ.

Сяо Ли качнул головой:

— Нет, ему дед рассказывал. А дед божился, что если в порох для петард подмешать той чёрной земли, то грохот будет такой, аж небеса содрогнутся, а вспышка ослепит любого. Сгорит всё дотла, пепла не останется. Один такой снаряд десяток обычных заменит. В войну с японцами один парень из нашей деревни, что пиротехникой промышлял, как раз на этой земле бомбы делал. Его потом на северо-востоке командиром артиллерийской батареи назначили.

— И всё-таки, что за проклятый огонь? Что это значит? — не унимался Лянь Цзяньюэ.

— Да то и значит — проклятый огонь, бесовщина! — Сяо Ли явно начинал раздражаться. Он принялся нервно затягиваться сигаретой, выпуская густые клубы сизого дыма.

Этот едкий, странный запах мгновенно защекотал в горле Лянь Цзяньюэ. Он зашелся в сухом кашле, но сквозь хрип всё же выдавил новые вопросы:

— А его... его кто-нибудь видел? Ваши предки своими глазами видели этот пожар? Откуда им знать, что пламя было проклятым? Чем оно отличалось от обычного костра? В чём его чертовщина?

Сяо Ли насупился, зажал сигарету зубами и больше не проронил ни слова.

Цюй Цзючуань обернулся через плечо и ухмыльнулся:

— Да какая разница, правда это или байки! Поедем и сами поглядим. Раз уж день с самого утра задался чертовски странным, то проклятые Чёрные земли нам только на пользу. Минус на минус даёт плюс, глядишь, и доставим твоего батю по назначению.

Глаза Цюй Цзючуаня лихорадочно блестели. Казалось, чем безумнее становилась ситуация,

тем сильнее разгорался его азарт. Глядя на его довольную физиономию, Лянь Цзяньюэ тоже почувствовал, как к губам подкатывает горькая усмешка. Ну умер старик и умер, так нет же — умудрился даже с того света подкинуть сыну такую несусветную головоломку. Действительно, только и остаётся, что смеяться.

— Но я ведь бывал на тех Чёрных землях, — подал голос озадаченный Сяо Ли. — Никакого храма я там не припомню.

— И когда же ты там был? — поинтересовался Цюй Цзючуань. — Много раз ходил?

— Один-единственный раз, лет в девять, — ответил Сяо Ли. — Тот день я на всю жизнь запомнил. Мы с соседскими пацанами поспорили, чья петарда бахнет громче да взлетит выше. Тут-то мне отцовские рассказы про Чёрные земли и вспомнились. Все в деревне твердили, что они к северу лежат. А я думал: севернее ведь только Склон Красавиц да дорога на Бэйсянь, откуда там взяться какому-то пепелищу? В общем, вышел я ни свет ни заря. Шёл, шёл, топал, почитай, целую вечность. По ощущениям — вёрст двадцать отмахал, а Склона Красавиц всё нет как нет. Тут средь бела дня навалился густой туман. Мне не по себе стало, но я упрямо шёл вперёд. И вдруг под ногами действительно оказалась чёрная, мёртвая земля. Я обрадовался, набил полный мешок этой пыли и повернул назад, надеясь поспеть к ужину. Шёл обратно ещё дольше, но чёрная равнина никак не кончалась. Ноги подкашивались от усталости, в конце концов я просто рухнул на землю и заснул. А очнулся уже дома. Отец запихал меня в деревянную бадью с отваром горькой полыни и давай неистово тереть мочалкой, без конца причитая, чтобы я туда больше ни ногой. Мол, то пожарище бесовское, оно всякую нечисть манит. Никто так и не понял, как я туда добрёл и что подцепил. Меня потом ещё целую неделю насильно кормили рыбьими глазами.

Цюй Цзючуань удивлённо приподнял бровь:

— Рыбьими глазами? Это ещё зачем?

— Отец уверял, будто на мою душу тамошние твари позарились. Мол, в зрачках у меня какой-то жуткий огонёк заплесал, аж мороз по коже драл, стоило мне в глаза заглянуть. Вот рыбьей желчью да бельмами скверну и выводили.

Сяо Ли договорил и украдкой покосился на Лянь Цзяньюэ. Их взгляды встретились, и парень поспешно отвернулся, будто ошпаренный.

Лянь Цзяньюэ медленно моргнул. Этот испуганный взгляд всколыхнул в его памяти слова, которые когда-то любил повторять Лянь Уцзэн.

«Взять, к примеру, моё кунг-фу, — говаривал старик. — Оно тёмное, потому и зовут его бесовским стилем. Или вот взять твои глаза — сущая чертовщина, проклятый взор, манящий бездну. Гляжу на тебя — и самому не по себе становится. А меня ведь хрен напугаешь, обычно это от меня люди в страхе шарахаются. Захочешь обучиться какому-нибудь благородному стилю у праведных мастеров — попомни моё слово, ни один приличный наставник тебя в

ученики не возьмёт. Кому охота добровольно навлекать на себя проклятие?»

Лянь Цзяньюэ посмотрел на неподвижное тело Лянь Уцзэна на носилках, затем на бледного, точно смерть, Сяо Ли и на Цюй Цзючуаня, который буквально светился от предвкушения приключений. Внутри у Цзяньюэ созрело решение. Если на этих Чёрных землях действительно творится чертовщина, впутывать посторонних — грех на душу брать.

Пока он размышлял, они дошли до минивэна. Цюй Цзючуань щёлкнул центральным замком. Лянь Цзяньюэ шагнул к носилкам и закинул окоченевшее тело Лянь Уцзэна себе на спину.

— Знаете что, — негромко сказал он. — Не стоит вам больше со мной возиться. Я поймаю попутку и сам отыщу этот храм.

Цюй Цзючуань скептически усмехнулся:

— С мертвецом за плечами попутку ловить собрался? Ну-ну. Водители-то найдутся, вот только удерут они быстрее, чем ты успеешь руку поднять.

Сяо Ли подтвердил его слова угрюмым кивком:

— К тому же, прослышав про Чёрные земли, ни один местный тебя туда ни за какие коврижки не повезёт.

Лянь Цзяньюэ стоял согнувшись, его дыхание быстро становилось прерывистым. На вид Лянь Уцзэн был высохшим, точно щепка, да и Цюй Цзючуань до этого нёс его без видимых усилий, но сейчас мёртвое тело навалилось на плечи Цзяньюэ неподъёмной свинцовой тяжестью. Прошло всего несколько секунд, а он уже задыхался, судорожно хватая ртом воздух.

Заметив это, Цюй Цзючуань быстро перехватил покойника и ловко устроил его в салоне машины. Лянь Цзяньюэ трясущимися пальцами выудил из внутреннего кармана куртки ингалятор, сделал глубокий вдох и прислонился к борту минивэна, пережидая приступ.

— Всё в порядке, — сипло выдавил он через силу. — Лёгкие слабые, одышка замучила. Старая болячка.

— Залезай давай, — скомандовал Цюй Цзючуань, легонько подталкивая его к пассажирскому сиденью. — Бросить тебя здесь — значит нарушить слово. А в нашем деле репутация и честность дороже золота.

Лянь Цзяньюэ не стал спорить. Слабость сковала тело, голова предательски кружилась, так что он послушно опустил на сиденье.

Едва захлопнулась дверца, Цюй Цзючуань, устроившись рядом, рассудительно произнёс:

— Всё дело в силе посмертного желания, точно тебе говорю. В кино ведь как показывают? Пока не исполнишь последнюю волю покойного, его душа не успокоится. Вот и твой старик упёрся. Расскажи, может, он тебе ещё что-то наказывал? А то приедем мы в этот храм, а там он тоже гореть откажется.

Лянь Цзяньюэ промолчал.

Цюй Цзючуань тихо прыснул, продолжая рассуждать вслух:

— А иначе как это объяснить? В крематории температура под тысячу градусов, а ему хоть бы хны. Он что у тебя — реинкарнация Сунь Укуна, в тигле Лао-цзюня закалённая?

Минивэн миновал окраину Каменной деревни и покатил по просёлочной дороге. Вокруг раскинулись бескрайние поля, усыпанные алыми весенними цветами. Над головой сияло пронзительно-синее небо с редкими пушистыми облаками. Чем дальше они продвигались на север, тем светлее и безмятежнее казался пейзаж — кругом буйствовала сочная весенняя зелень, и ничто не напоминало о мрачном выжженном пустыре.

Так они ехали больше часа. Вокруг тянулись всё те же идиллические сельские виды. Наконец Сяо Ли прижал машину к обочине и глухо буркнул:

— Я до ветру. На секунду.

Он вылез из кабины. Цюй Цзючуань ободряюще похлопал Лянь Цзяньюэ по плечу и кивнул на окно:

— Слушай, по времени мы давно должны были подняться на Склон Красавиц и выехать на трассу. А теперь посмотри по сторонам. Кажется, нас среди бела дня черти водят. Со мной такое впервые.

Голос его так и лучился неподдельным восторгом. Он с любопытством уставился в лобовое стекло:

— Туман наползает.

Лянь Цзяньюэ прильнул к стеклу. Снаружи действительно стремительно сгущалась белёсая пелена. Силуэт Сяо Ли у обочины сделался размытым и зыбким.

— Ничего, — ухмыльнулся Цюй Цзючуань. — У Сяо Ли моча-то девственная, любую бесовщину как рукой снимет!

С этими словами он весело перемахнул на водительское сиденье и врубил магнитола. Салон наполнили размеренные напевы буддийских сутр, принося с собой странное умиротворение. Цюй Цзючуань принялся покачивать головой в такт, тихонько отстукивая ритм на руле. Обернувшись к Лянь Цзяньюэ, он заговорщицки подмигнул:

— Любишь квесты? Считай, что мы попали на грандиозный интерактивный аттракцион с полным погружением.

Его глаза горели безумным азартом. За одно утро они столкнулись с трупом, который не брал огонь крематория, заблудились среди бела дня в призрачном тумане и теперь держали путь в логово чертовщины, чтобы отыскать храм, о котором никто слухом не слыхивал. Столкнись с подобным обычный человек, он бы давно дал дёру без оглядки. Те же, кому волей-неволей пришлось бы разгребать эту кашу, либо тряслись бы от страха перед неведомым, либо изнывали от дурных предчувствий.

Но Цюй Цзючуань, похоже, страха не знал вовсе. В его поведении не было напускной бравады — им двигало чистейшее, незамутнённое любопытство. Он словно заигрывал с потусторонней силой, бросая ей вызов и мечтая рассмотреть чертовщину в мельчайших деталях. Попасть в переплёт было его заветной мечтой, и отступить он не собирался.

Лянь Цзяньюэ впервые в жизни видел столь эксцентричного человека. Он не удержался от вопроса:

— Ты в похоронный бизнес подался только ради адреналина?

Цюй Цзючуань покатился со смеху. Но стоило ему мазнуть взглядом по лобовому стеклу, как смех оборвался на полуслове. Он пинком распахнул дверцу, выскочил на раскисшую грунтовку и яростно заорал на всю округу:

— Ах ты ж сучёныш плешивый! Слинял, падла!

Лянь Цзяньюэ опустил стекло и негромко бросил:

— Ну точно, интерактивный квест в реальном времени.

<http://bllate.org/book/19697/1984696>